

ИСТОЧНИК

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

МАЯ ~ ИЮНЬ 1999

№3

1799 ~ 1999

...Душа в заветной
лире

“СВОБОДА” И “ВОЛЯ” В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

А. С. ПУШКИНА

Л. Г. ЯЦКЕВИЧ, профессор ВГПУ

Иная, лучшая, нужна мне свобода...

А. С. Пушкин

О свободолюбии Пушкина, о его вольнолюбивой музе написано очень много. Однако критики, да и просто читатели, нередко склонны вкладывать в его поэтические строки свои понятия о свободе и воле.

Это происходит потому, что понятие “свобода” является ключевым в мировоззрении любого человека. Общее, универсальное его содержание можно определить так: это состояние, в котором человек не имеет препятствий и ограничений в осуществлении своей деятельности в какой-либо сфере жизни, это возможность выбора. Однако, употребляясь в речи разных людей, слово “свобода” наполняется различным смыслом. Все дело в том, какую позицию человек занимает в жизни, что ему дорого, что для него свято, как он себя чувствует в этом мире. Таким образом, представления о свободе и воле у людей меняются и зависят не только от социально-политических и культурных условий их существования, но и от глубоко интимных, индивидуальных особенностей каждой личности. В статье “Вольность Пушкина” Б. П. Вышеславцев писал: “Революционная свобода, политическая свобода, гражданская и правовая свобода не исчерпывают и не выражают подлинной сущности свободы, а являются лишь условием ее возможности, лишь путем ее достижения и защиты. Истинная глубина и высота свободы раскрывается лишь в конкретной жизни личности, в личности индивидуальной и в личности народной... Пушкин жизненно ощущал и творчески выразил всю многозначительность свободы, все ее ступени, понял ее глубину и ее высоту”¹.

Чтобы рассуждать о свободе и воле в творчестве Пушкина, необходимо осознать, в какую систему ценностей включает поэт данные понятия. Ответить на этот вопрос нам поможет внимательное наблюдение над контекстами употребления слов “свобода”, “свободный”, “воля”, “вольный”, “вольность”. В общей сложности эти слова, по данным “Словаря языка Пушкина”, употребляются 377 раз. Показатель высокий. Кстати, слова “свободолюбивый”, “свободолюбие” в словаре поэта вообще отсутствуют, слова “вольно-

думец” и “вольнодумствовать” встречаются по одному разу, “вольнодумство” — 3, “вольнолюбивый” — 5. Не употреблял в своих художественных произведениях Пушкин и интернациональные слова “либерализм”, “либеральный” (лат. *liberalis* — свободный). Они встречаются в журнальных статьях и письмах поэта всего пять раз. Это объясняется не только новизной этих слов в русском политическом лексиконе того времени, не только тем, что они находились под бдительным оком цензуры, но и тем, что глубокое понимание свободы Пушкиным не вмещалось в ограниченные рамки социально-политического либерализма. В последний год своей жизни он писал:

*Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно?*

(“Из Пиндемонти”)

По мнению Ф. М. Достоевского, Пушкин первый с “непоколебимой силой” выразил русское, национальное представление о свободе: “...не было бы Пушкина, не определились бы, может быть, с такой непоколебимой силой... наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов”².

Глубина и многогранность пушкинского понимания свободы проявилась в многозначном употреблении слов “свобода”, “воля” в его произведениях. Пушкин отчетливо различал такие смыслы: 1) естественная свобода; 2) социально-политическая свобода; 3) личная, которая неразрывно связана с духовной, творческой деятельностью:

*Забыв и роцу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.*

* * *

“Свободой Рим возрос — а рабством погублен.”

* * *

*Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет...*

* * *

*Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.*

* * *

*И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем...*

Размышляя диалектически, Пушкин видит, что в любой сфере жизни существуют два противоположных проявления свободы: как гармонии и хаоса, созидания и разрушения, закона и беззакония, добра и зла, прозрения и неистовства, света и тьмы. “Восхождение к высшей свободе совершается при помощи автономного, свободного морального суждения. Эта свобода морального суждения не нарушается у Пушкина никакими внешними воздействиями, никаким принуждением, никакой личной выгодой, никаким давлением общественного мнения, никаким социальным заказом”³.

Пушкин создает два образа свободы в природе. Соответственно слово “свобода” в словаре поэта включается в два противопоставленных один другому смысловых ряда:

1) свобода: воля, простор, даль, безграничность, раздолье, приволье, безбрежность, ширь, высь, глубь, бескрайность, бесконечность, безмерность, бездна, хаос, стихия;

2) свобода: расстояние, соотношение, граница, мера, пропорция, симметрия, гармония, мир (космос), покой.

Свободная стихия природы, ее безграничность и безмерность воплощаются в образах ветра, моря, неба, птицы, высоких гор, необъятных просторов полей:

*Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пень? Спроси его,
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.*

* * *

*В мечтаньях отрок своеволен,
Как ветер в небе...*

* * *

*Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной.
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой...
Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!*

*Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.*

Б. П. Вышеславцев, комментируя первое из приведенных выше стихотворений, писал: "То, что изображено здесь, есть космическая,

природная, животная стихия, непонятная и непокорная человеческому закону, опасная и иногда губительная, и все же прекрасная в своей таинственной мощи”⁴. Автор при этом ссылается на М. О. Гершензона, который, также отметив это стихотворение, говорил: “Пушкина нельзя понять вне этой безумной стихийности его души. Напрасно так много говорят о его “трезвости и гармоничности”⁵. Однако у Пушкина мы находим не только образы *свободной стихии*, но и образы свободной гармонии и вольного покоя природы. Самым ярким из них является, конечно, пушкинский образ осени:

*Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.*

*И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь;
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь...*

Пушкинский образ осени, как символ вольного покоя природы, является сквозным для русской поэзии. Он встречается и у Тютчева, и у Некрасова, и у многих других поэтов прошлого, а также и у наших современников, например, у Н. Рубцова:

*Слава тебе, поднебесный
Радостный краткий покой!
Солнечный блеск твой чудесный
С нашей играет рекой,
С рощей играет багряной,
С россыпью ягод в сенях,
Словно бы праздник нагринул
На златогривых конях!*

(“Сентябрь”)

В творчестве Пушкина нашли отражение две противоположные концепции социальной и политической свободы:

1) свобода: долг, обязанность, необходимость, закон, честь, право, согласие, соборность, мир;

2) свобода: произвол, вседозволенность, беззаконие, бесчестие, тирания, рабство, отчуждение, раскол, мятеж, бунт, война.

В послеоктябрьскую эпоху широко распространилось мнение, что Пушкин был певцом революционной свободы. Мнение это нуждается в коррективах. Пушкин жил в эпоху сильных социальных потрясений. Среди декабристов были его близкие друзья. В юности революционный энтузиазм был свойствен и ему. Однако революционные эксцессы неизменно вызывали его неприятие.

В элегии, посвященной Андре Шенье, погибшему на гильотине во времена французской революции, он так описывает революционный террор:

*Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: Блаженство!
О горе! О безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!*

Отвергая этот вариант запятнанной кровью свободы, Пушкин противопоставляет ей истинную, священную свободу:

*Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, — не виновна ты...*

Изучив историю восстания Пугачева, Пушкин пророчески предупреждал: “Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Те, кто замышляет у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим и своя шейка копейка, а чужая головушка полушка...”

Для зрелого Пушкина священной является только такая свобода, которая сочетается с законом, просвещением, честью и милосердием, гражданским согласием:

*Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,*

*Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье...*

*Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.*

Для Пушкина свобода в обществе — это свобода, основанная на добрых чувствах и милости, это свобода нравственного Закона, а не произвола.

Тема личной, индивидуальной свободы — одна из главных в творчестве Пушкина. Она звучит во многих его стихотворениях, с ней связаны образы Алеко (“Цыганы”), Онегина и Татьяны (“Евгений Онегин”), Гринева, Швабрина и Пугачева (“Капитанская дочка”), Евгения (“Медный всадник”) и других его героев. По мнению Ф. М. Достоевского, в творчестве Пушкина вопрос о личной свободе получил “русское решение” — “по народной вере и правде”⁶. Русское понимание индивидуальной свободы человека, выраженное Пушкиным в поэме “Цыганы”, Достоевский сформулировал так: “Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве. < ... > Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собой. Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконец, народ свой и святую правду его”⁷. Б. П. Вышеславцев, развивая мысли Ф. М. Достоевского, также подчеркивал, что для Пушкина стремление к личной свободе — это “переход от свободы произвола к свободе самообладания”⁸. Для становления национального самосознания очень важно понять, что “задача русского человека — овладеть бессознательной, стихийной силой, которую он чувствует в своей душе, русской стихией”⁹.

Противоположные представления об индивидуальной свободе как о состоянии смирения и состоянии гордыни также нашли отражение в поэтическом словаре Пушкина:

1) свобода: самообладание, достоинство, бесстрашие, покой, доверие, открытость, сочувствие, вера, дружба, смирение, любовь, радость;

2) свобода: безудержность, страстность, смирение, недоверие, непонимание, ревность, гордыня, цинизм, ненависть, страх, злоба, уныние, тоска, отчаяние.

Очень ясно различие этих противоположных представлений о личной свободе выражены в его стихотворении “Демон”.

*В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осень,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.*

*Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистощимой клеветой
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.*

Пушкин развенчивает стремление к ничем не ограниченной личной свободе, которое убивает любовь, дружбу, радость жизни и сеет вражду, уныние, отчаяние. К такому итогу подвел эгоизм свободной воли Алеко, который никого, кроме себя, не любил и ничем не дорожил.

“Ты для себя лишь хочешь воли,” — скажет ему старый цыган. Таков Онегин, который сам назвал свою свободу “постылой”.

Только любовь к миру, к другому существу делает человека истинно свободным. Такое чувствование свободы присутствует во всех произведениях Пушкина, даже самых простых, “детских”, как, например, в стихотворении “Птичка”:

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!*

Свобода физическая, общественная, духовная, творческая в представлении Пушкина тесно взаимосвязаны. Однако не на всех этапах развития таланта поэта они в равной мере занимали его внимание. В юности, в пору тесного знакомства с будущими декабристами (Н. Тургеневым, П. Пестелем и др.) Пушкина вдохновляли идеи государственного переустройства. Когда наступила зрелость, на первый план вышла идея свободы внутренней, духовной. Это как раз та свобода, которая в стихотворении “Памятник” обеспечивает поэту творческое бессмертие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Вышеславцев Б. П. Вольность Пушкина // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М., 1990. — С. 398.

²Достоевский Ф. М. Пушкин. Очерк // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В десяти томах. — Т. 10. — М., 1958. — С. 454.

³Вышеславцев Б. П. Вольность Пушкина. — С. 402.

⁴Там же. — С. 398.

⁵Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. — М., 1919. — С. 45.

⁶Достоевский Ф. М. Пушкин. Очерк. — С. 446.

⁷Там же.

⁸Вышеславцев Б. П. Вольность Пушкина. — С. 401.

⁹Там же.

